

**Отзыв официального оппонента Щепкина Василия Владимировича
на диссертацию Лугавцовой Алёны Петровны
«Школа О:баку в истории Японии периода Эдо (1603–1868)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история**

Историческая наука давно перестала видеть основным объектом своего интереса государства, и хотя мы по инерции продолжаем говорить об «истории Японии» или «истории России», всё чаще за названиями стран скрываются пространственно-временные континуумы, в которых разворачивалась жизнь и деятельность людей и их сообществ. Изучение биографий отдельных личностей, деятельности групп людей и институтов позволяет рассмотреть историю в человеческом измерении и открывает широкие возможности для сопоставлений обществ прошлого и настоящего. В этом смысле диссертация А. П. Лугавцовой, посвященная буддийской школе О:баку и её роли в истории Японии периода Эдо (1603–1868), несомненно, находится в русле современной исторической науки, а её тема соответствует заявленной научной специальности. Принимая во внимание, что в российском японоведении отсутствуют специальные исследования, посвященные школе О:баку, тема диссертации представляется актуальной.

Автор поставила перед собой цель «дать общую характеристику истории формирования, религиозно-философского содержания, ритуально-бытовой стороны и искусства О:баку, их места и роли в истории Японии периода Эдо». В соответствии со сформулированными задачами работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы и приложения. В двух параграфах первой главы рассматриваются соответственно история школы О:баку в контексте социально-политической и культурной обстановки Китая и Японии середины XVII в. и религиозно-философские основы учения этой школы. Вторая глава посвящена анализу ритуальных и бытовых особенностей дзэнской школы, а также рассмотрению такого уникального феномена, как искусство О:баку, и его влияния на культуру эпохи Эдо. Наконец, в третьей главе рассматриваются биографии отдельных выдающихся представителей школы, как китайских, так и японских, и их заслуги в деле распространения

учения и закрепления школы на Японских островах. Выбранная структура работы отражает логику исследования и обладает внутренним единством.

Работа опирается на широкий круг китайских и японских источников, в том числе в переводе на русский и английский языки, включая письменное наследие представителей школы О:баку, официальные династийные хроники Японии и Китая, а также переводы буддийских сутр. При этом автор внимательно изучила историографию вопроса, используя свыше 140 книг и статей по теме исследования на русском, английском, японском и китайском языках. Все ссылки на использованные источники и труды предшественников проставлены в тексте корректно. Общая методология и избранная методика исследования абсолютно адекватны теме диссертации.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что проникновение учения О:баку из Китая и возникновение одноименной школы в Японии связаны с социально-политической обстановкой в обеих странах в середине XVII в., а её популярность обусловлена как внутренними факторами — экзотичностью и новизной ритуально-бытовых и художественных аспектов, так и внешними — заинтересованностью японских властей и элиты в поддержании контактов с китайской культурой. Нельзя не согласиться с автором, что деятельность монахов О:баку, ставшая хронологически последним эпизодом активных заимствований материковой культуры, оказала существенное влияние на формирование культурного облика токугавской Японии, который зачастую предстает в исторических работах лишь как итог развития национальной культуры. Таким образом, выводы работы и вынесенные на защиты положения являются обоснованными, достоверными, и обладают бесспорной научной новизной, а также полностью соответствуют поставленным задачам и цели исследования.

Тем не менее, работа не лишена, на наш взгляд, некоторых недостатков. Так, на протяжении всей работы автор неизменно повторяет тезис о том, что Япония была «закрытой от мира» (с. 17, 24), «оторванной от внешнего мира» (с. 36), «отрезанной от мира» (с. 36), «находившейся в международной изоляции» (с. 106), и т. д. Фактически, на этом тезисе строятся многие суждения автора о школе О:баку как о явлении, возникшем вопреки такому положению вещей и ставшем едва ли не единственной ниточкой, связавшей Японию с внешним миром. Действительно, автор исходит из устоявшегося в

российском японоведении представления, которое приводит на с. 24–25: «С 1641 г. сёгунат проводил политику «железного занавеса» — самоизоляции, или сакоку. [...] На протяжении подобного курса внешней политики Япония не вела торговлю и прекратила вообще какие-либо контакты с остальным миром, за исключением Китая и Голландии, чьим купцам было позволено находиться в порту Нагасаки». Однако уже более сорока лет назад в мировом японоведении была начата дискуссия, в ходе которой историки пришли к выводу об ошибочности такого тезиса. В 1630-х гг. имели место запрет христианства и гонения на его последователей, в связи с чем были прекращены отношения с португальцами, а также стремление к упорядочению внешних отношений со странами региона, но нет ни одного документа, который бы свидетельствовал о «сакоку» как об осознанно выбранном курсе японской внешней политики, вплоть до начала XIX века, когда, собственно, и появилось это слово. Более того, в течение всего XVII века объемы внешней торговли с китайскими и голландскими купцами, а также с Кореей и королевством Рюкю, только росли. Лишь с начала XVIII века, когда японское правительство озаботилось проблемой вывоза серебряной монеты, наметилась тенденция на сокращение торговых контактов — но к этому времени и Корея, и цинский Китай также стали придерживаться принципов строгой регламентации внешних контактов. Если посмотреть на историю Японии середины XVII века не через призму этого стереотипа, то можно увидеть, что появление учения О:баку и деятельность школы в Японии, напротив, свидетельствуют об открытости японцев новому и позволяют избежать спорных объяснений популярности О:баку «интуитивным стремлением японского общества выйти из изоляции» (с. 44).

Кроме того, на наш взгляд, в работе недостаточно подробно рассмотрена история японо-китайских отношений в первой половине XVII века, которая бы позволила лучше понять логику благосклонности японских властей к китайской школе О:баку. После того как Тоётоми Хидэёси фактически вел войну против империи Мин на Корейском полуострове в 1590-х гг., сёгуны Токугава направили свои усилия на восстановление мирных отношений с Китаем, однако минские власти игнорировали все предложения японцев об этом. Не стоит забывать также о том, что для сёгунских династий Асикага и Токугава образцом служило первое военное правительство в Камакура (1192–

1333) во главе с сиккэнами Ходзё, которые оказывали покровительство дзэнской школе Риндзай. Очень возможно, что Токугава видели в школе О:баку некий аналог Риндзай.

Наконец, несколько некорректным показалось утверждение, что «такие ученые, как Ито: Дзинсай (1627–1705) и Огю: Сорай (1666–1728), предпочитали читать конфуцианскую классику в оригинале, а не в японском переводе» (с. 85). Возможно, это недостаток моей компетенции, но я не знаю о существовании переводов китайской классики на японский язык вплоть до XX века — насколько мне известно, японские конфуцианцы не имели проблем не только с чтением по-китайски, но и с сочинением собственных текстов на китайском. Возможно, впрочем, что автор имела в виду критику названными учеными японской разметки для упрощения чтения китайских текстов.

Как бы то ни было, несмотря на озвученные замечания, представленное к защите диссертационное исследование является существенным вкладом автора в изучение школы О:баку и её роли в истории Японии периода Эдо, а его результаты имеют большое значение для науки и практики. Работа написана хорошим научным языком, изложение ясно, логично, последовательно и аргументированно. Автор бесспорно демонстрирует высокий уровень подготовки, научный потенциал, способность к самостоятельным исследованиям и умение структурированно и содержательно сформулировать выводы. Основные научные результаты диссертации соискателя опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в Перечень журналов и изданий, утвержденных ВАК, и в достаточной полноте отражают содержание работы. Автореферат также полностью соответствует содержанию диссертации. Как диссертация, так и автореферат соответствуют требованиям пп. 9–14 Положения «О Порядке присуждения ученых степеней».

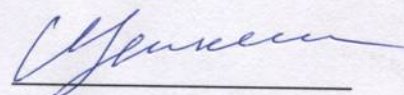
Основываясь на всём вышесказанном, считаю, что А. П. Лугавцова как автор представленного диссертационного исследования смогла решить конкретную научную задачу по описанию истории формирования дзэн-буддийской школы О:баку, её религиозно-философских, ритуально-бытовых и художественных аспектов, а также роли в истории Японии, и сделала это впервые в российской науке. Представленная к защите диссертация А. П. Лугавцовой написана ей самостоятельно, обладает внутренним

единством, содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Исходя из этого А. П. Лугавцова, безусловно, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук.

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук (07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования),
старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института восточных рукописей Российской академии наук

Щепкин Василий Владимирович

Рабочий адрес: 191086 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

E-mail: vshepkin@gmail.com.

Тел.: 89112273499.

22.10.2021 г.

Подпись *В.В. Щепкина*
УДОСТОВЕРЯЮ:

ПОМОЩНИК ДИРЕКТОРА

ГАВРИЛОВА Т.А.

22.10.21

